

◆ **Городской театр.** Кто внимательно и серьезно слѣдитъ вчера за тѣмъ, что происходило на сценѣ, не могъ не выйти изъ театра съ тяжелымъ чувствомъ въ душѣ и съ цѣлымъ роємъ глубоководныхъ мыслей. Но отчего такъ волнуетъ „Чапка“ Чехова? Намъ кажется оттого, что съ суровой безопащностью, за которой чувствуется глубокая скорбь, авторъ раскрываетъ передъ нами всю безпросвѣтную жизнь, какую влачитъ въ наше время не сѣренькій, маленькій человекъ, борющійся за свое тусклое существованіе, а настоящіе интеллигенты, изобрѣтатели общества, верхи его. И какъ по истинѣ печально ихъ, беремъ смѣлость сказать, прозбаніе. Никого не любя, кромѣ себя, никого не согрѣвая, знаменитая, столетняя артистка, Ирина Николаевна, не менѣе знаменитый писатель Тригоринъ, отставной судейскій, его превосходительство, Петръ Николаевичъ, думаютъ только о себѣ, живутъ только собою. Но какъ мало они чувствуютъ въ себѣ удовлетворенія, очутившись въ деревнѣ, на лонѣ прекрасной природы; они жестоко скучаютъ и не перестаютъ тянуться туда, въ столицу, въ свою настоящую слѣду. Что имъ за дѣло, что возитъ ихъ, бьется два чуткихъ молодыхъ сердца — сынъ артистки — юноша 25 лѣтъ и юная, свѣжая какъ весна дѣвушка Зарѣчная. Въ своемъ служеніи искусству Тригоринъ незамѣтно для себя и благодаря дряблости и тщеславію своей натуры становится рабомъ своего служенія. Живые люди для него перестали существовать, онъ видѣть въ нихъ лишь темы для того или иного интереснаго сюжета, который онъ, подобно человеку съ невыразимыми идеями, стремится неизменно воплотить въ романы, повѣсти и рассказы. Въ ранней юности, когда онъ ощущать въ своей душѣ пламень любви, онъ весь былъ поглощенъ борьбой за существованіе, а затѣмъ, когда талантъ его былъ признанъ всѣми и оцененъ, этотъ пламень погасъ и онъ творитъ не изъ страсти творить, не изъ-за высокаго удовлетворенія, какое даетъ творчество, и не окрыляемый любовью къ людямъ, стремленіемъ освѣтить ихъ жизнь, а исключительно изъ-за того, что онъ сталъ рабомъ своей „профессіи“, что иначе онъ не можетъ, и вся жизнь вокругъ заслонена передъ его глазами. Богъ почему, какъ онъ самъ объясняетъ, мотивы человѣче-

скіе, гражданскіе лезутъ у него фальшиво, натянуто, удастся-же порою ему только описанія природы, которую чувствовать и понимать онъ еще не научился. Но понимать мозгомъ, а не сердцемъ, какъ прекрасная любовь. Тригоринъ воспламеняется при встрѣчѣ съ юной чистой дѣвичьей душой. Та же смотритъ на него съ восторгомъ; ей онъ кажется необыкновеннымъ человекомъ, богомъ, и ему она со всей искренностью, беззаветностью ненормального женскаго сердца, отдаетъ всю себя, безъ остатка. Взять это сердце и безопадно разбить — ничего не стоитъ Тригорину, который лишь въ первыхъ переживаетъ всякія ощущенія. Прегрѣзла, поставленная на пути его мимолетнаго увлеченія любящей себя въ знаменитомъ цитателѣ не менѣе знаменитой артисткой, оказалась мало дѣйствительной. Тамъ, въ Москвѣ, куда уѣхалъ Тригоринъ съ Ириной Николаевной и куда полетѣла за ними Нина Зарѣчная, быстро разыгрывается и финалъ его запоздалой страсти. Черезъ какихъ-нибудь два года послѣ того, какъ Нина становится матерью, онъ безжалостно бросаетъ ее, а самъ возвращается къ своимъ прежнимъ привычкамъ, къ своей прежней пассіи, опутавшей его какъ цѣпями. Таковъ этотъ Тригоринъ, знаменитый писатель, про котораго всѣ отзываются съ восторгомъ, ставя его лишь ниже одного Толстого.

Съ такимъ удивительнымъ суровымъ анализомъ пики до Чехова не заглядывать въ самую глубину души знаменитыхъ людей — любимцевъ толпы. И правда, истинная правда, чувствуется въ словахъ самого Тригорина, въ которыхъ онъ съ болью и горечью описываетъ себя въ разговорѣ съ Ниной Зарѣчной. И эта же боль его словъ передается и зрителю, и онъ живо ощущаетъ, что не презираетъ Чеховъ своего героя, а готовъ плакать надъ нимъ, сострадать ему... Съ тѣмъ-же чувствомъ накопившейся скорби и глубокаго страданія относится авторъ и къ другому своему дѣйствующему лицу — Константину Гавриловичу, — сыну знаменитой артистки. Это крайне впечатлительный, даровитый, самолюбивый юноша. Уныло и печально сложилась его жизнь. Всегда и повсюду онъ былъ для матери-артистки помѣхой. И чтобы освободиться отъ него, она воспитываетъ его въ деревнѣ. Здѣсь онъ растетъ безъ ласки и любви, но вѣчно жаждетъ ихъ. Чувствуя себя маленькимъ и ничтожнымъ въ обществѣ

"Волынъ". 1900. 28 сентября. № 212.

с. 3.

своей знаменитой матери и ея не менее знаменитых друзей, онъ только и мечтаетъ о томъ, чтобы выдвинуться, прославиться, но не такъ, какъ всѣ они, а „по-новому“. Снѣдаемый самолюбиемъ онъ ищетъ этого пути въ созданіи декадентской пьесы. гдѣ должна быть изображена общая мировая душа въ ея отдаленнѣйшемъ будущемъ. На ряду съ этой мировой работой идетъ у юноши и работа сердца. Со всѣмъ пыломъ молодой, не согрѣтой ничьей лаской души онъ полюбилъ Нину Зарѣчную, та отвѣчаетъ ему взаимностью. Но ихъ счастью не суждено осуществиться и расплотиться въ свѣтлую гармонию. Прѣзжаетъ Тригоринъ съ матерью. Пьеса Константина, представленная передъ столбчатыми львами, терпитъ полное крушеніе, терпитъ его и чувство Нины къ нему. Она оставляетъ его. А онъ? Гдѣ и въ комъ онъ найдетъ пріютъ? Правда, его любить дочь управляющаго имѣніемъ, несчастная, горемычная Маша, но онъ ея не замѣчаетъ, онъ весь поглощенъ своей Ниной. Мать-же, которая дѣйствительно могла бы придти на помощь своему погибающему сыну, та не видитъ да и не хочетъ видѣть Костю. И вотъ, истомленный въ борьбѣ, разочарованный въ своемъ талантѣ, въ любви своей матери, своей Нины, онъ не въ силахъ больше жить. И послѣ того, какъ Нина въ одну осеннюю бурную ночь приходитъ къ нему, говоритъ ему о своемъ несчастіи, своей все еще страстной любви къ Тригорину, своей готовности терпѣть, Костя послѣ ея ухода, рветъ всѣ свои рукописи, бросается къ себѣ и кончается съ собой... Такъ сметены съ поля жизни два человѣка. Но и оставшіеся въ живыхъ будутъ по прежнему

тянуть свою унылую, безсодержательную череду. Ирина Николаевна, пока не состарится окончательно, будетъ упиваться не искусствомъ, алаврами, приемами, подарками, всѣмъ тѣмъ, что тѣшитъ ея тщеславіе, и послѣдними проблесками страсти къ Тригорину. А этотъ по прежнему будетъ отмѣчать сюжеты для рассказовъ. Маша, вышедшая замужъ за любимшаго ее учителя, попрежнему будетъ пить водку, нюхать табакъ и томиться. Петръ Николаевичъ, всю жизнь мечтавшій о жизни и взаимнѣй и получившій „превосходительнаго“, пойдетъ въ могилу. Не менѣе унылъ будетъ конецъ доктора, положимъ въ жизни не мало пожуровавшаго, но никого не согрѣвавшего и никого не любившаго.

Но гдѣ-же жизнь, въ чемъ она? Неужели всѣ кругомъ такъ живутъ, неужели иначе быть не можетъ?

На этотъ мучительный вопросъ Чеховъ отвѣга не даетъ. Но тотъ, кто знаетъ этого писателя, кто чувствуетъ его, тотъ долженъ сказать себѣ, что онъ всюду ищетъ любви человека къ человеку, и что только тамъ жизнь безотраднѣе, гдѣ этой любви нѣтъ. А если такъ, то не на „новомъ“ могутъ обрести люди спасеніе и смыслъ жизни, а все на вѣчномъ, единомъ, старомъ какъ миръ чувствѣ — любви...

Въ исполненіи труппой г-жи Васильевой „Гайка“ прошла съ хорошимъ ансамблемъ, и пьеса, въ общемъ, произвела позидиому на публику сильное впечатлѣніе. Много аплодировали г-жамъ Васильевой, Ганъевой и Немерцаловой и гг. Гайдебурову, Николаеву и Нарискому.